

Содержание

Вступление	5
------------------	---

ЧАСТЬ I. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Глава первая. Некрасивый брак	11
Глава вторая. Появление Елены.....	24
Глава третья. Три усадьбы.....	34
Глава четвертая. Гессен и «Право».....	39
Глава пятая. Кадеты.....	43
Глава шестая. Клинч.....	55
Глава седьмая. 2379	67
Глава восьмая. Выборг и Кресты.....	71
Глава девятая. Дуэльный инцидент	86
Глава десятая. Дети Владимира.....	100
Глава одиннадцатая. Война и революция.....	143

ЧАСТЬ II. КРЫМ

Глава двенадцатая. Крым и Крым.....	177
-------------------------------------	-----

ЧАСТЬ III. БЕРЛИН

Глава тринадцатая. Центр русской эмиграции	195
Глава четырнадцатая. Максимальная эволюция: Владимир и Владимир	208

ЧАСТЬ IV. ТЕГЕЛЬ

Глава пятнадцатая. Убийство в берлинской филармонии....	249
Глава шестнадцатая. Шабельский-Борк и Таборицкий.....	256
Глава семнадцатая. Некто Винберг	264
Глава восемнадцатая. Что стало с убийцами	269
Глава девятнадцатая. Смерть мужа и отца	273
Глава двадцатая. «Не он убит — мертв его убийца»	276
Глава двадцать первая. Слова.....	296
Приложение 1.....	317
Приложение 2	326
Приложение 3	351

Вступление

Эта книга разрасталась, как сладкая вата, наматываемая на палочку.

Много лет назад я отрецензировал очень небольшое объемом сочинение «Между жизнью и смертью» — о последних днях Маяковского. Это была почти хроника, но невероятно интересная, хоть и субъективно составленная и прокомментированная.

Через год-полтора я переехал в Берлин. Обосновавшись на новом месте, я вспомнил, что тут был убит и похоронен В. Д. Набоков — отец писателя. Сходил на кладбище, перечитал некоторые фрагменты биографии его сына и подумал: «А почему бы не написать небольшую книжечку “Последние дни Набокова-старшего” — надо только немного поискать информацию о его жизни...» Тут-то ловушка и захлопнулась: я увидел, что информация есть, но очень разрозненная, а главное — ее совсем мало, и есть много пустых мест.

Вскоре стало ясно, что надо писать скорее небольшую биографию, потом я понял, что биографию писать надо максимально большую, потом — что надо будет добавить ранее не публиковавшиеся набоковские статьи берлинского периода (которые надо оцифровать и снабдить комментариями), и еще некоторое время ушло на примирение с мыслью, что работа будет долгой. Но я все равно не подозревал, как надолго она растянется, какие формы примет и в каких местах мне доведется побывать ради осуществления замысла.

Иногда ради одной фотографии, одного впечатления или одного абзаца приходилось ехать или лететь в довольно отдаленные места, включая другой континент.

За эти годы, что я работал над биографией, появилось несколько небезынтересных книг и важнейших публикаций, без которых мне пришлось бы значительно сложнее. Мне удалось сделать пару симпатичных открытых и важных находок, частично восстановить биографии еще нескольких Набоковых, узнать колоссальное количество всякого-разного, до чего просто не доходили руки, а еще я начал понимать — смею надеяться, достаточно четко — причины, которые привели Россию к событиям 1917 года и дальше.

Но главное — я увидел своего героя, Владимира Дмитриевича Набокова. И не то что не разочаровался, а ровно наоборот: если в начале работы я довольно смутно представлял, каким человеком был ВДН, то относительно скоро вопрос прояснился. Коротко — замечательным, хотя и не без неоднозначностей, а подробнее я написал в книге.

Сейчас В. Д. Набоков как самостоятельная личность известен преимущественно историкам. Все остальные если и знают его, то лишь как отца писателя. История двух Владимиров Набоковых — интереснейший пример замещения в массовом сознании одной личности другой личностью при полном и неслучайном совпадении имени и фамилии. Сейчас для нас Владимир Набоков — выдающийся прозаик, автор «Лолиты» и других романов. А для беженцев первой волны Владимир Набоков — это юрист, бывший политик, кадет, публицист, газетчик-издатель, лидер русской эмиграции. Отец нарек родившегося в 1899 году сына своим же именем, а в дальнейшем сам обрел такую известность, что сын до 40-летнего возраста писал под псевдонимом «Владимир Сирин» — не хотел находиться в неизбежной тени отца.

А потом произошла обратная замена, последствия которой я и вызвался немного разгrestи.

Спасибо моей жене Маше, которая всегда поддерживала и ободряла меня в метаниях и стремлениях закончить эту книгу. А еще большие благодарности уходят в сторону моих друзей, подруг и знакомых из разных стран, которые помогали — по-разному, но их помощь для меня одинаково ценна. Это: Надя Окс, Борис Элиассон, Елена Сахань, Максим Китайцев, Олег Дмитриев, Елена Синдеева, Игорь Петров, Лидия Виллани, Андрей Литвинов, Мария Стенина, Анастасия Андреева, Максим Ширшин, Татьяна Евтеева, Николай Терещенко, Елена Марголина, Людмила Белова, Юлия Каходзе, Ольга Кляйм, Ольга Хорн. Спасибо!

Биография В.Д. Набокова писалась шесть лет. Прочесть ее можно за несколько дней. Но хочется верить, что, в отличие от порции сладкой ваты, эффект от «употребления» этого продукта, то есть книги, все-таки будет совсем другим. И что образ Владимира Набокова — не «этого», а «того» — станет более отчетливым и осозаемым, вновь проявившись через столетие.

Берлин, 31 октября 2020 года

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург

Глава первая

Некрасивый брак

«По отцовской линии мы стоим в разнообразном родстве или свойстве с Аксаковыми, Шишковыми, Пущиными, Данзасами», — рассказывал Владимир Набоков в своем романе «Другие берега». Доказательства найти можно, но особого интереса они не представляют, ибо родство было весьма дальним (точнее, «рода» — во множественном числе).

Первый Набоков, о котором известно, что он не только существовал, но и имел отношение к впоследствии знаменитому семейству, — генерал Александр Иванович Набоков (1749–1807). Герою нашей книги он приходился прадедом. Во время первой русско-турецкой войны Александр был женен с Суворовым.

Младший сын Александра, Николай (1795–1873), также состоял на военной службе, хотя его карьера была короткой и совершенно неприметной. В 1812 году он окончил Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге, затем в чине мичмана служил во флоте. Далее перешел в лейб-гвардию Московского полка. В 1823 году, в 28 лет, он вышел в отставку и поселился в своем имении под Псковом. В дальнейшем он поступил на службу в Псковское удельное ведомство (так назывались, по-современному выражаясь, управляющие компании, распоряжавшиеся землями и недрами императорской семьи), где работал 13 лет — до 1835 года. Причины, по которым он

покинул это место, установить затруднительно, однако это вряд ли случилось из-за переутомления, поскольку в 1843 году Николай Набоков переехал в другой город — Самару, где в должности коллежского асессора возглавил аналогичное учреждение. Такой масштабный переезд (из Пскова в Самару — это ведь даже по нынешним меркам далеко!), вероятнее всего, случился благодаря назначению: официальных документов и указаний на это не сохранилось, но сложно представить какую-либо другую причину. Да и имение свое Набоков не продал — если бы он хотел навсегда покинуть Псков, уж конечно от дома бы избавился.

На Волге Николай Набоков занимал пост, сделавший его одним из самых влиятельных людей города. Дела у него шли неплохо: за первые четыре года его правления Самарская удельная контора добилась отличных результатов, за что Набокову выписали вознаграждение, а затем пожаловали чин статского советника. Его называли «честнейшим и добрейшим человеком в мире»¹.

Его женой была Анна Александровна, урожденная Назимова (1805–1847), родная сестра декабриста Михаила Назимова, хорошо знавшего Лермонтова. В 1846 году Назимов побывал в доме Набоковых в Самаре. В разных источниках указываются разные данные по количеству детей, родившихся у Николая и Анны Набоковых — от 10 до 13. Анна скончалась в 42 года от внезапной болезни и погребена была в Самаре, в Успенской церкви (ее могила не сохранилась). Николай Набоков вскоре после потери жены подал прошение об отставке и в мае 1848 года уехал из Самары обратно в свое псковское имение.

А еще успешный глава Самарской удельной конторы вошел в историю благодаря географической мистификации. В конце 1950-х один из членов семейства сообщил Владимиру

¹ Русская старина, 1884. № 4. С. 78.

Набокову, который тогда обдумывал роман «Бледное пламя», что именем их предка Николая (приходившегося писателю прадедом) названа одна из рек на Новой Земле. Писателю рассказали, что Николай участвовал в северной экспедиции и вошел в число славных русских первооткрывателей. Владимир был потрясен: действие в «Бледном пламени» должно было разворачиваться на загадочной *Новой Земле*, и в истории с собственным прадедом он увидел массу знаков и символов. Однако на самом деле все оказалось куда тривиальнее. Николай Набоков ни на какой Новой Земле не был. Мифом оказалось и присвоение реке набоковской фамилии по желанию его друга, графа Федора Петровича Литке (1797–1882), который действительно принимал участие в той экспедиции, о чем пишут многие набоковеды, включая Брайана Бойда. В нынешней администрации Новой Земли автору этой книги сообщили, что «реки Набокова» на архипелаге нет (что подтверждается и всеми доступными картами).

Еще более славную жизнь прожил старший двоюродный брат Николая — Иван Набоков (1787–1852), генерал от инфантерии. Он был женат на Екатерине Ивановне Пущиной (1791–1866), сестре декабриста Ивана Пущина, лучшего друга Пушкина. Аналогичную пару составили младший брат Ивана Набокова, тоже Николай (1778–?), с женой Ольгой Назарьевой Муравьевой (1779–1857), сестрой другого декабриста. И хотя линия Владимира Набокова (точнее, героя нашей книги и его сына-писателя) идет не от этих двух братьев, очевидно, что почитание либеральных ценностей, уважение к правам человека восходит именно к тому поколению.

После окончания Отечественной войны Иван Набоков был назначен комендантом Петропавловской крепости Санкт-Петербурга. Именно там содержались участники кружка Петрашевского, в который входили и братья Достоевские. Доброе отношение Набокова к заключенным было общеизвестно. Он

добился разрешения поселить Андрея Достоевского, несправедливо арестованного вместо старшего брата Михаила, в своем доме, хотя прочие должностные лица и возражали. Помимо этого, говорят, что Набоков давал Федору Достоевскому, уже тогда знаменитому писателю (сложно представить, чтобы Иван Набоков, образованный человек, не читал его труды), книги из личной библиотеки. Сохранились сведения о теплом к нему отношении и другого заключенного — Михаила Бакунина.

Ивана Набокова называли добрым тюремщиком. И то и другое неверно. Он не был добрым — он был справедливым и честным. Ну а тюремщиком его и подавно нельзя считать. Интеллигент, генерал — на должность коменданта он был назначен, а у офицеров обсуждать приказы начальства не принято.

Генерал Набоков также писал письма в защиту Пущина, Муравьевых, Назимова, стремясь облегчить их участие на каторге. За это его понизили в должности, но званий не лишили. А после смерти похоронили на территории крепости. Его могилу и по сей день можно увидеть — она находится сразу за собором, на небольшом Комендантском кладбище. Увидеть можно, впрочем, через ограду, так как для открытия ворот требуется специальное разрешение.

Дмитрий Набоков (18.06.1826–15.03.1904, Санкт-Петербург), сын Николая, отец главного героя книги, родился в Псковской губернии, однако затем переехал вместе с отцом в Самару. Оттуда Дмитрий уехал на учебу в Санкт-Петербург — в училище правоведения. Родителей он навещал на каникулах. Училище Дмитрий окончил в 1845 году, а годом позже поступил на службу в Симбирске, где состоял в дружеских отношениях с председателем местной палаты гражданского суда¹. Вскоре после этого вернулся в Санкт-Петербург, где вначале,

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. Т. XX. С. 396–397; доп. Т. II. С. 234.

с 1853 года, служил в комиссариатском департаменте морского министерства, а девять лет спустя был назначен его директором.

В 1864 году Набоков вошел в число сенаторов новообразованного гражданского кассационного департамента, а затем, в 1867-м, стал главным управляющим по делам Царства Польского при императорской канцелярии¹. В этой должности Набоков проводил в жизнь судебную реформу на польской территории, и примерно тогда же он обратил на себя внимание великого князя Константина Николаевича (1827–1892), яркого человека и противоречивой личности. Князь Константин, сын Николая I, возглавлял с 1865 по 1881 год Государственный совет, куда впоследствии также вошел и Дмитрий Набоков (с 1876 года). Именно дружба с князем позволила Набокову занять столь высокий пост — но дело было отнюдь не в знакомстве. Константин увидел в Набокове убежденного сторонника своих идей, направленных на преобразование российских судов.

Дмитрий Набоков занимал пост министра юстиции Российской империи с 1878 по 1885 год. Работать ему довелось при двух царях — Александра II и III. Предшественником Набокова на этом посту был граф Константин Пален, а последователем — Николай Манасеин, единомышленник реакционного деятеля Константина Победоносцева.

Оценка деятельности Дмитрия Набокова как министра может быть двоякой. С одной стороны, говорили, что он ничем не выделялся и был «чиновником до мозга костей», безэмоциональным, порой медлительным в принятии решений. С другой стороны, именно его призвали на службу в непростой момент, а после коронации Александра III, случившейся в 1881 году, в отставку не отправили: при новом императоре

¹ www.genrogge.ru/isj/isj-257-2.htm

Дмитрий Набоков прослужил еще дольше, чем при убитом отце Александре II.

Время, в которое довелось работать Дмитрию Набокову, ознаменовалось усилением реакционных сил. Крестьянская и Судебная реформы 1860-х дали определенный эффект, однако полтора десятилетия спустя настали непростые времена. Давление на несменяемость независимых судей и суды присяжных возросло, и главной целью реакционеров стало добиться отмены как первого, так и второго. Образованных юристов, в число которых входил и Набоков, подозревали в предательстве национальных интересов. Даже удивительно, что Набокова назначили министром, — он во всем был западником и не собирался поддаваться влиянию реакционеров.

В середине февраля 1881 года Александр II одобрил документ, предполагающий созыв некоего собрания, на которое было бы возложено обсуждение дальнейших преобразований в стране. Это был бы первый в истории российский парламент. Брайан Бойд предполагает, что автором документа мог быть Дмитрий Набоков, которого император 28 февраля попросил принести вечером некий «новый закон». На следующий день Александра II убили террористы (Дмитрий Набоков успел побывать у смертного одра императора, а Александр III спустя некоторое время подарил министру пуговицы с окровавленной рубашки убиенного самодержца), а о парламентской идее забыли — то ли нарочно, то ли случайно. Оставшиеся три года службы Набоков отчаянно, и до поры успешно, противостоял попыткам реакционеров ликвидировать суды присяжных, отменить публичный доступ к заседаниям и другие ключевые положения Судебных уставов 1864 года. Всеми силами он старался отстоять право человека на защиту от несправедливости.

Впрочем, случались у Набокова и объективные неудачи. К примеру, распространение круга действия Судебных уставов шло слишком медленными темпами — уставы были введены только

в ряде губерний, в основном на юго-западе и северо-западе страны. Закон от 1880 года, предписывающий введение мировых учреждений в Остзейском крае (Эстляндия, Курляндия, Лифляндия — нынешние страны Балтии), не был исполнен.

Поздней осенью 1885 года император, поддавшийся уговорам консерватора Победоносцева, приказал Набокову подать в отставку. Уже после отхода Дмитрия Набокова от дел в газетах дали следующую характеристику его работы на посту министра: «Он действовал как капитан корабля во время сильной бури — выбросил за борт часть груза, чтобы спасти остальное»¹.

Контраст между общественной деятельностью Дмитрия Набокова и его личной жизнью весьма и весьма силен.

С молодых лет он был влюблён в баронессу Нину фон Корф (29.04.1819–08.02.1895), страстную и отнюдь не добродетельную красотку из древнего вестфальского рода, старше Набокова на семь лет. Отвечая ему взаимностью, выйти за него она тем не менее не могла, поскольку с 1839 года была замужем за русским генералом Фердинандом Николаевичем фон Корфом (04.07.1806–03.07.1869).

Для решения любовной коллизии ход был придуман весьма неприглядный: Набоков в возрасте 33 лет женился на 17-летней Марии Фердинандовне (24.02.1842–30.12.1925, Бухарест), одной из дочерей баронессы, не испытывавшей восторга, во-первых, от самого факта, что ее таким образом взяли в оборот, а во-вторых, от характера своего мужа — мрачного и замкнутого (впрочем, декабрист Александр Беляев, встречавшийся с Дмитрием Набоковым еще в Самаре, отмечал, что будущий министр был «кроток, скромен, деликатен, с чрезвычайно мягкими и приятными манерами в обращении», его отличало «трезвое, спокойное и тихое

¹ Внутреннее обозрение, 1885. № 12.

самообладание труженика дела и долга»¹). Такого рода тройственные союзы, однако, в псевдопуританском XIX веке встречались сплошь и рядом. Как бы то ни было, юная Мария все-таки сделалась Набоковой, и после этого Дмитрий смог сопровождать «свою» баронессу в ее заграничных путешествиях. Вскоре после свадьбы связь Дмитрия и Нины прекратилась (и не возобновилась после смерти генерала фон Корфа), но брак выстоял. Впрочем, Мария и Дмитрий Набоковы так и не полюбили друг друга. Мария, отличавшаяся грубоватыми манерами, только мешала карьере мужа, а также транжирила его деньги. А еще, по словам ее внука, писателя Набокова, Мария Корф считала, что в честь их предка-крестоносца был назван остров Корфу.

В ее транжирство верится легко. Когда Дмитрий Набоков уходил в отставку, император Александр III предложил ему на выбор графский титул или 50 тысяч рублей (в придачу к большой пенсии). Набоков, хотя и очень желал получить титул, вынужден был выбрать деньги — иначе бы с долгами не справился. Еще ему было даровано село Кацице в 40 километрах от Krakowa, близ городка Мехува (видимо, в знак признания набоковских успехов в польских делах). Судя по всему, Набоков либо там никогда не был, либо приезжал буквально считанные разы и ненадолго. Вероятнее всего, императорский дар оформлен таким хитрым образом, что продать Кацице Набоков не имел права — иначе сложно объяснить то, что село перешло по наследству его сыну Дмитрию.

Всего Мария Набокова с 1860 по 1882 год родила девятиых детей.

Нина (14.10.1860 или 1861, Санкт-Петербург — 28.09.1944, Париж). Фрейлина императрицы Марии при дворе царя Александра II. До 1909 года состояла в браке с бароном Раушем фон

¹ Русская старина, 1884. № 4. С. 78–79.

Траубенбергом (1855–1923), а позднее — с адмиралом Николаем Николаевичем Коломейцевым (1867–1944), героем Русско-японской войны. В первом браке у Нины родились четверо детей, включая Юрия (Георгия), друга детства писателя Владимира Набокова.

Наталия (1862–17.11.1938, Гаага). Фрейлина при императорском дворе. Была замужем за Иваном Карловичем де Петерсоном, дипломатом, первым секретарем императорского посольства в Брюсселе. У них было трое детей.

Вера (1863–1938, Бухарест). Вышла замуж за Ивана Григорьевича Пыхачева (1864–1919), помещика, владельца земель в Уфе, Симбирске и Новгороде. У пары было двое детей.

Дмитрий (26.06.1867, Санкт-Петербург — 1949). Был женат на Лидии Эдуардовне Фальц-Файн (01.12.1870, Ас堪ния-Нова — 16.11.1937, Вильнюс). У них было шестеро детей, среди которых Николай (Николас) Набоков, композитор, автор книги «Багаж. Мемуары русского космополита», и Софья (Оня), о которой мы еще расскажем отдельно.

Сергей (06.10.1868, Санкт-Петербург — 21.12.1940, Бухарест). Служил прокурором, с 1910 по 1915 год был последним губернатором Курляндской губернии (ее большая часть ныне находится на территории Латвии). Женился на Дарье Николаевне Тучковой (1871–1955). От этого брака родились четверо детей, включая Сергея Сергеевича Набокова (1902–1998), журналиста, работавшего в том числе в агентстве Reuters.

Владимир. Герой нашей книги.

Константин (1872, Ростов-на-Дону — 18.03.1927, Лондон). Дипломат, переводчик. Член российской делегации на мирных переговорах с Японией в 1905 году. Работал в российских диппредставительствах в Брюсселе, Вашингтоне, Лондоне. С 1917 по 1919 год — поверенный в делах Временного правительства. Автор книги «Испытания дипломата» (1921). Как рассказывал писатель Владимир Набоков, Константин, худощавый

меланхолик, дважды избежал смерти: в первый раз в 1905 году в Петербурге не сел в карету к великому князю Сергею Александровичу, которого через несколько минут убил террорист Каляев, а второй раз — когда якобы имел билет на первый и последний рейс «Титаника», но по каким-то причинам отказался от поездки. Константин всю жизнь прожил холостяком.

Елизавета (13.09.1877, Санкт-Петербург — 15.06.1942, Бухарест). Фрейлина императорского двора при двух последних императрицах (Марии Федоровне и Александре Федоровне). Была замужем за князем Генрихом Готтфридом Хлодвигом Сайн-Витгенштейном (1879—1919). В гости к дяде Генриху, жившему близ Каменец-Подольского, Владимир Набоков — младший ездил во время своего единственного путешествия по России (1911 год). У Елизаветы и Генриха было пятеро детей.

Надежда (17.04.1882—19.10.1954, Хейвордс Хит, Англия). Была замужем дважды — за военным Дмитрием Вонлярским, сыном владельца золотых приисков на Урале, и Н. Розеном (имя не сохранилось). От первого брака родилась дочь София. Надежду Вонлярскую мать, баронесса Корф, без особого сердечного жара относившаяся ко всем детям, считала любимой дочерью и ради нее в 1916 году пошла на крайние меры, которые не одобрили многие члены семьи, — продала имение в Батово.

В книге «Мир и дар Владимира Набокова» Борис Носик утверждает, что лишь первые четверо были от Дмитрия, а пятерых других, когда ее чувства к мужу окончательно остывали, она родила от разных мужчин, включая гувернанта старшего сына. Если это так, то, получается, Владимир Набоков, седьмой ребенок в семье, появился на свет не от того, кого считал отцом, и фактически должен был носить другую фамилию... Верить ли этому — личное дело каждого, но доказательств этой версии нет. Носик приводит слова Марии Набоковой: «Разве мать Петра Великого не имела великого множества

любовников, да и отцом Петра тоже ведь был вовсе не царь Алексей, а человек по имени Стрешнев». Но, как и домысел об отце Петра, так и это высказывание Марии Набоковой ничем не подтверждено.

Есть в этом даже что-то загадочное. При высокой детской смертности ни один из девятерых потомков Дмитрия и Марии не умер ни во младенчестве, ни в детстве, ни в отрочестве. Это не уникальный случай, но очень и очень редкий. (Для сравнения: у Елены Рукавишниковой, будущей матери писателя Владимира Набокова, было семеро братьев и сестер, из них подростковую пору пережили лишь трое — она сама и брат Василий; был еще брат Владимир, но он умер в 16 лет, да и Василий прожил всего 42 года.) Двое из детей ministra Набокова, Нина и Дмитрий, скончались на девятом десятке лет. Еще четверо (Наталия, Вера, Сергей, Надежда) — на восьмом. Елизавета прожила 65 лет, умерев во время Второй мировой войны — вероятно, в мирное время она бы прожила больше. Константин умер в 55, но на его жизнь наложила отпечаток фатальная страсть — он был равнодушен к женщинам, а к мужчинам наоборот и постоянно терзался от одиночества.

А меньше всех прожил Владимир — 51 год...

Он родился в 1870 году в Царском Селе. Оба факта установлены определенно — разнотечений по ним нет. Точнее, разнотечения были, но много раньше. В частности, в 1949 году его дети, Владимир-младший и Елена-младшая, обсуждали в переписке, в каком же году родился отец. «По одним энциклопедиям наш отец родился в 1869 году, по другим в 1870. На кресте выставлена последняя цифра, но могла быть ошибка (мне, например, вспоминается, что ему исполнилось как будто 52 года — это в марте 1922, — значит, он родился в 1869 как будто)», — писал В.В. Набоков. Елена Владимировна подтвердила, что во всех изданиях стоит 1869 год, однако их мама указывала на 1870-й. К этому добавлялась известная

им шестилетняя разница в возрасте родителей — а в годе рождения Елены Ивановны (1876-й) они не сомневались.

С точной датой рождения чуть сложнее. Дитер Циммер, знаменитый немецкий набоковед, указывает дату 15 июля. Владимир Набоков в «Других берегах» пишет про 21 июля как про день рождения отца. Все это создает сложность, поскольку 15 июля по юлианскому календарю никак не может быть 21-м по григорианскому, но от какой-то версии приходится отталкиваться, поэтому примем за основную 15 июля.

Итак, когда Владимир родился, его отца еще не назначили министром, но он уже давно был государственным мужем со своими особенностями характера и привычками. На тот момент Дмитрию Николаевичу исполнилось 44 года, а Марии Фердинандовне — 28. Однако, вопреки всему — разнице в возрасте между родителями, их своеобразным взаимоотношениям, вечной занятости отца и постоянной озабоченности нарядами и приемами матери, — детство Владимира и его братьев и сестер было наполнено солнцем и радостью. Пусть друг друга Дмитрий и Мария не любили, но на собственных детях, кажется, это отражалось минимально. Недлинное северное лето братья и сестры проводили в Батово, в поместье баронессы фон Корф, а нескончаемую осенне-зимнюю пору — в особняке на углу Большой Итальянской (ныне Итальянской) и Малой Садовой улиц. Владимир Набоков — старший в 1922 году в статье называл тот дом «генерал-прокурорским»¹, однако тут можно заподозрить ошибку, потому что генерал-прокурорский дом — это Шуваловский дворец, а он находится хотя и очень близко к углу двух улиц (метров 400), но это были разные здания. В Шуваловском дворце Набоковы не жили, поэтому, скорее всего, писателя немножко подвела память.

¹ Набоков В. Д. До и после Временного правительства. — СПб.: Symposium, 2015. С. 468.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru